

По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью "Агентство корпоративной безопасности" и гражданина В.В.Макеева

Постановление · № 1-П · от 23.01.2007 · Конституционный Суд Российской Федерации · Действует без изменений

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью "Агентство корпоративной безопасности" и гражданина В.В.Макеева

город Москва 23 января 2007 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе председательствующего Н.С.Бондаря, судей Г.А.Гаджиева, А.Л.Кононова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Ю.Д.Рудкина, А.Я.Сливы, В.Г.Стрекозова, Б.С.Эбзеева, В.Г.Ярославцева,

с участием представителей ООО "Агентство корпоративной безопасности" - генерального директора Н.Ю.Стрекозовой и кандидата юридических наук С.И.Ковалева, гражданина В.В.Макеева и его представителей - адвокатов М.М.Захариной и Ю.А.Ларина, постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Е.Б.Мизулиной, представителя Совета Федерации - доктора юридических наук Е.В.Виноградовой, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, пунктом 3 части второй статьи 22, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 ГК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы ООО "Агентство корпоративной безопасности" и гражданина В.В.Макеева на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 1 статьи 779 и пунктом 1 статьи 781 ГК Российской Федерации. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Поскольку обе жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.Л.Кононова, мнение специалиста - кандидата юридических наук Д.И.Степанова, выступления приглашенных в заседание представителей: от Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации - заместителя Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации В.Л.Слесарева, от Федеральной палаты адвокатов - адвоката К.И.Скловского, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л:

1. В соответствии с пунктом 1 статьи 779 и пунктом 1 статьи 781 ГК Российской Федерации по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги

(совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить оказанные ему услуги в сроки и в порядке, которые указаны в договоре возмездного оказания услуг.

1.1. Конституционность названных законоположений оспаривается в жалобе ООО "Агентство корпоративной безопасности", которому решением Арбитражного суда города Москвы от 11 августа 2004 года, оставленным без изменения постановлением Федерального арбитражного суда Московского округа от 21 декабря 2004 года, было отказано во взыскании с администрации поселка "Восход" Истринского района Московской области денежных средств, причитавшихся ему как исполнителю по договору возмездного оказания услуг за услуги по представлению интересов администрации в Арбитражном суде Московской области, а именно невыплаченной части вознаграждения, сумма которого определялась договором в размере 3 процентов от суммы выигранного иска и которое подлежало выплате в случае принятия судом решения в пользу заказчика.

Арбитражный суд города Москвы исходил из того, что не подлежит удовлетворению требование исполнителя по договору возмездного оказания услуг о выплате вознаграждения, если оно обосновывается условием договора, ставящим размер и обязанность оплаты услуг в зависимость от решения суда или государственного органа, которое будет принято в будущем.

ООО "Агентство корпоративной безопасности" просит признать примененные в его деле положения пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 ГК Российской Федерации - с учетом смысла, придаваемого им правоприменительной практикой, - нарушающими права и свободы, гарантированные статьями 8, 19 (часть 1), 34 (часть 1), 35, 46 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации.

1.2. Аналогичное требование содержится в жалобе гражданина В.В.Макеева. Как следует из представленных в Конституционный Суд Российской Федерации материалов, Арбитражный суд города Москвы решением от 24 декабря 2002 года удовлетворил иск Московской городской коллегии адвокатов к Управлению делами Президента Российской Федерации о взыскании задолженности за оказание правовой помощи по договору возмездного оказания услуг. В качестве третьего лица по делу суд привлек адвоката В.В.Макеева, которому было поручено правовое обслуживание по договору.

Апелляционная инстанция того же суда, придя к выводу о том, что суд первой инстанции не дал правовую оценку ряду положений договора, ставящих оплату части услуг в зависимость от решений, которые будут приняты в будущем, постановлением от 25 марта 2003 года признала сделку в этой части недействительной на основании статьи 168 ГК Российской Федерации и со ссылкой на пункт 1 статьи 779 и пункт 1 статьи 781 ГК Российской Федерации в иске отказала.

Федеральный арбитражный суд Московского округа, рассмотрев дело в кассационном порядке, постановлением от 27 июня 2003 года отменил постановление апелляционной инстанции, а решение суда первой инстанции оставил в силе.

Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации отменил решение суда первой инстанции и постановление суда кассационной инстанции и оставил в силе постановление суда апелляционной инстанции, указав, что правовая природа отношений, возникающих из договора возмездного оказания услуг, не предполагает удовлетворение требования исполнителя о выплате вознаграждения, если данное требование обосновывается условием договора, ставящим размер, а равно обязанность оплаты услуг в зависимость от решения суда или государственного органа, которое будет принято в будущем (постановление от 2 декабря 2003 года).

1.3. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам граждан и объединений граждан на нарушение конституционных прав и свобод проверяет конституционность являющихся предметом обращения нормативных положений лишь в той части, в какой они были

применены в деле заявителя и затрагивают его конституционные права и свободы; при этом Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых нормативных положений, так и смысл, придаваемый им сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм. Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются положения пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 ГК Российской Федерации, предусматривающие, что по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить оказанные ему услуги в сроки и в порядке, которые указаны в договоре возмездного оказания услуг, как не предполагающие - по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, - удовлетворения требований исполнителя о выплате вознаграждения, если его размер поставлен в зависимость от судебного решения, которое будет принято в будущем.

2. В соответствии с Конституцией Российской Федерации в Российской Федерации гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина; каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статья 45); каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (статья 46); суды реализуют функцию осуществления правосудия на основе принципов независимости и подчинения только Конституции Российской Федерации и федеральному закону (статья 118, часть 1; статья 120, часть 1).

Важной гарантией осуществления и защиты прав и свобод человека и гражданина является закрепленное Конституцией Российской Федерации право каждого на получение квалифицированной юридической помощи (статья 48, часть 1), которому корреспондирует обязанность государства обеспечить надлежащие условия, в том числе нормативно-правового характера, с тем чтобы каждый в случае необходимости имел возможность обратиться за юридической помощью для защиты и отстаивания своих прав и законных интересов. В силу названных конституционных положений во взаимосвязи с положениями статей 71 (пункт "в") и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации, определяющими полномочия Российской Федерации по регулированию прав и свобод человека и гражданина, в компетенцию федерального законодателя входит регламентация отношений, связанных с оказанием юридической помощи. При этом согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной им в Постановлении от 19 мая 1998 года N 15-П, Конституция Российской Федерации, закрепляя в статьях 45 (часть 1) и 48 (часть 1) обязанность государства гарантировать защиту прав и свобод, в том числе права на получение квалифицированной юридической помощи, не ограничивает законодателя в выборе путей выполнения данной обязанности.

Реализуя свои полномочия в указанной сфере, федеральный законодатель располагает достаточной свободой усмотрения в выборе конкретной модели правового регулирования оказания юридической помощи, включая определение вида соответствующего гражданско-правового договора и его существенных условий. При этом он не может действовать произвольно и во всяком случае связан необходимостью обеспечения соблюдения принципов и норм, составляющих конституционно-правовую основу регулирования общественных отношений, складывающихся в данной сфере. Кроме того, он должен применять адекватные специфическому характеру отношений способы и методы правового воздействия, в том числе учитывать закрепленный в Гражданском кодексе Российской Федерации принцип свободы договора.

2.1. Общественные отношения по поводу оказания юридической помощи находятся во взаимосвязи с реализацией соответствующими субъектами конституционной обязанности государства по обеспечению надлежащих гарантий доступа каждого к правовым услугам и возможности привлечения каждым лицом, заинтересованным в совершении юридически значимых действий, квалифицированных специалистов в области права, - именно поэтому они воплощают в себе

публичный интерес, а оказание юридических услуг имеет публично-правовое значение. Данный вывод Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подтверждал в своих решениях, в частности применительно к деятельности адвокатов, на которых в соответствии с Федеральным законом "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" возложена обязанность обеспечивать на профессиональной основе квалифицированную юридическую помощь физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию (Постановление от 23 декабря 1999 года N 18-П, Определение от 21 декабря 2000 года N 282-О).

Публичные начала в природе отношений по оказанию юридической помощи обусловлены также тем, что, возникая в связи с реализацией права на судебную защиту, они протекают во взаимосвязи с функционированием институтов судебной власти. Соответственно, право на получение квалифицированной юридической помощи, выступая гарантией защиты прав, свобод и законных интересов, одновременно является одной из предпосылок надлежащего осуществления правосудия, обеспечивая его состязательный характер и равноправие сторон (статья 123, часть 3 Конституции Российской Федерации).

2.2. В то же время в силу диспозитивного характера гражданско-правового регулирования лица, заинтересованные в получении юридической помощи, вправе самостоятельно решать вопрос о возможности и необходимости заключения договора возмездного оказания правовых услуг, избирая для себя оптимальные формы получения такой помощи и - поскольку иное не установлено Конституцией Российской Федерации и законом - путем согласованного волеизъявления сторон определяя взаимоприемлемые условия ее оплаты.

Свобода гражданско-правовых договоров в ее конституционно-правовом смысле, как неоднократно отмечалось в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, в частности в его постановлениях от 6 июня 2000 года N 9-П и от 1 апреля 2003 года N 4-П, предполагает соблюдение принципов равенства и согласования воли сторон. Следовательно, регулируемые гражданским законодательством договорные обязательства должны быть основаны на равенстве сторон, автономии их воли и имущественной самостоятельности, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела. Субъекты гражданского права свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора (пункты 1 и 2 статьи 1 ГК Российской Федерации).

В то же время Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивал, что конституционно защищаемая свобода договора не должна приводить к отрицанию или умалению других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина; она не является абсолютной и может быть ограничена, однако как сама возможность ограничений, так и их характер должны определяться на основе Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, части 1 и 3).

Свобода договора имеет и объективные пределы, которые определяются основами конституционного строя и публичного правопорядка. В частности, речь идет о недопустимости распространения договорных отношений и лежащих в их основе принципов на те области социальной жизнедеятельности, которые связаны с реализацией государственной власти. Поскольку органы государственной власти и их должностные лица обеспечивают осуществление народом своей власти, их деятельность (как сама по себе, так и ее результаты) не может быть предметом частноправового регулирования, так же как и реализация гражданских прав и обязанностей не может предопределять конкретные решения и действия органов государственной власти и должностных лиц.

Применительно к сфере реализации судебной власти это обуславливается, помимо прочего, принципами ее самостоятельности и независимости (статья 10; статья 11, часть 1; статьи 118 и 120 Конституции Российской Федерации, статья 1 Федерального конституционного закона "О судебной системе Российской Федерации"): правосудие в Российской Федерации согласно Конституции Российской Федерации осуществляется только судом, который рассматривает и разрешает в судебном заседании конкретные дела в строгом соответствии с установленными законом процедурами конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (статья 118, части 1 и 2) на основе свободной оценки доказательств судьей по своему внутреннему убеждению и в условиях действия принципа состязательности и равноправия сторон (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации), предопределяющего, что функция правосудия в любой его форме отделена от функций спорящих перед судом сторон.

2.3. Следовательно, законодательное регулирование общественных отношений по оказанию юридической помощи должно осуществляться с соблюдением надлежащего баланса между такими конституционно защищаемыми ценностями, как гарантирование квалифицированной и доступной (в том числе в ряде случаев - бесплатной) юридической помощи, самостоятельность и независимость судебной власти и свобода договорного определения прав и обязанностей сторон в рамках гражданско-правовых отношений по оказанию юридической помощи, включая возможность установления справедливого размера ее оплаты.

Это предполагает обеспечение законодателем разумного баланса диспозитивного и императивного методов правового воздействия в данной сфере, сочетания частных и публичных интересов, адекватного их юридической природе. Достижение названной цели правового регулирования общественных отношений должно, однако, осуществляться с учетом условий конкретного этапа развития российской государственности, состояния ее правовой и судебной систем.

3. Общественные отношения по поводу оказания юридической помощи в качестве обособленного предмета правового регулирования в действующем законодательстве не выделены, - они регламентируются рядом нормативных правовых актов, в систему которых входят нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, в частности его главы 39, касающиеся обязательств по договору возмездного оказания услуг.

3.1. По смыслу положений данной главы Гражданского кодекса Российской Федерации, договором возмездного оказания услуг могут охватываться разнообразные услуги, среди которых (в зависимости от характера деятельности услугодателя - исполнителя услуг) выделяют услуги связи, медицинские, консультационные, аудиторские, информационные, образовательные и некоторые другие.

С учетом конкретных особенностей отдельных видов услуг осуществляется дальнейшая нормативная регламентация порядка их предоставления как в специальных законах, так и в принимаемых в соответствии с ними Правительством Российской Федерации правилах оказания отдельных видов услуг.

Давая нормативную дефиницию договора возмездного оказания услуг, федеральный законодатель в пределах предоставленной ему компетенции и с целью определения специфических особенностей данного вида договоров, которые позволяли бы отграничить его от других, в пункте 1 статьи 779 ГК Российской Федерации предметом данного договора называет совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности исполнителем.

Определяя исчерпывающим образом такое существенное условие договора, как его предмет, федеральный законодатель не включил в понятие предмета договора возмездного оказания услуг достижение результата, ради которого он заключается. Выделение в качестве предмета данного договора совершения определенных действий или осуществления определенной деятельности обусловлено тем, что даже в рамках одного вида услуг результат, ради которого заключается договор, в каждом конкретном случае не всегда достижим, в том числе в силу объективных причин.

Следовательно, заключая договор возмездного оказания услуг, стороны, будучи свободны в определении цены договора, сроков его исполнения, порядка и размера оплаты, вместе с тем не вправе изменять императивное требование закона о предмете данного договора.

3.2. Одним из распространенных видов услуг, оказание которых регулируется главой 39 ГК Российской Федерации, являются правовые услуги, к которым относятся предоставление устных и письменных консультаций, составление юридических документов (исковых заявлений, отзывов, апелляционных и кассационных жалоб и т. д.), экспертных заключений, участие в разбирательстве судебных споров и т. д. Соответствующий договор может быть заключен как с адвокатским образованием (статьи 20 и 25 Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации"), так и с иными субъектами, которые согласно действующему законодательству вправе оказывать возмездные правовые услуги.

Спецификой договора возмездного оказания правовых услуг, в частности, является то, что в соответствии с этим договором "совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности" направлено на отстаивание интересов услугополучателя в судах и иных государственных (юрисдикционных) органах, обязанных, как правило, принять решение в отношении заявленного требования. Поэтому интересы заказчика, зачастую не ограничиваясь предоставлением собственно правовых услуг исполнителем, заключаются в достижении положительного результата его деятельности (удовлетворение иска, жалобы, получение иного благоприятного решения), что выходит за предмет регулирования по договору.

На практике, как об этом свидетельствуют в том числе материалы настоящего дела, это приводит к включению в договор условий, в соответствии с которыми при вынесении положительного решения в пользу доверителя (заказчика) последний обязуется выплатить услугополучателю (исполнителю) определенную сумму, исчисляемую в процентом отношении к удовлетворенной судом сумме иска. Ставя перед Конституционным Судом Российской Федерации вопрос о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 ГК Российской Федерации, заявители, по существу, также исходят из того, что при оказании правовых услуг оплате подлежат не только сами действия (деятельность) исполнителя, но и тот специфический результат, для достижения которого заключается соответствующий договор, а именно вынесение решения суда в пользу заявителя. Между тем подобная цель - в том смысле, в каком цель того или иного заключаемого договора определена в Гражданском кодексе Российской Федерации либо выявлена из содержания договора при его истолковании в соответствии с частью второй статьи 431 ГК Российской Федерации, - не может рассматриваться как отвечающая требованиям, вытекающим из содержания главы 39 ГК Российской Федерации.

Материалы, представленные заявителями по настоящему делу в Конституционный Суд Российской Федерации, свидетельствуют о том, что арбитражные суды при рассмотрении конкретных дел исходят, как правило, из того, что природа отношений по поводу оказания правовых услуг не предполагает удовлетворения требования исполнителя о выплате вознаграждения за вынесенное в пользу заказчика решение, если данное требование обосновывается исполнителем ссылкой на условие договора, ставящее размер оплаты правовых услуг в зависимость от решения суда или государственного органа, которое будет принято в будущем. Эту позицию разделяет и Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (информационное письмо от 29 сентября 1999 года N 48 "О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг").

3.3. Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно указывал, что в судебной практике должно обеспечиваться конституционное истолкование подлежащих применению нормативных положений (постановления от 23 декабря 1997 года N 21-П, от 23 февраля 1999 года N 4-П, от 28 марта 2000 года N 5-П и др.).

Реализация рассматриваемых в настоящем деле положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи

781 ГК Российской Федерации, регламентирующих комплекс общественных отношений по поводу возмездного оказания услуг, как норм общего характера обеспечивается в том числе конкретизацией и детализацией в иных нормативных правовых актах. В отсутствие же специального, конкретизирующего правового регулирования индивидуализация их нормативного содержания применительно к отдельным видам договоров должна обеспечиваться в правоприменительной практике, в том числе на основе конституционных принципов и основных начал гражданского законодательства, с соблюдением основ публичного правопорядка.

В частности, казуальное истолкование и применение названных законоположений, которые напрямую не предусматривают критерии ограничений и запретов на определение размера оплаты юридических услуг, должно осуществляться в общей системе конституционно-правового и гражданско-правового регулирования соответствующих отношений на основе конституционных принципов, обладающих, как подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации в ряде решений, высшей степенью нормативной обобщенности, предопределяющих содержание конституционных прав человека и отраслевых прав граждан, носящих универсальный характер и в связи с этим оказывающих регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений (постановления от 27 января 1993 года N 1-П, от 10 апреля 2003 года N 5-П).

В силу конституционных принципов и норм, в частности принципов свободы договора, доступности правосудия, независимости и самостоятельности судебной власти, состязательности и равноправия сторон, предполагается, что стороны в договоре об оказании правовых услуг, будучи вправе в силу диспозитивного характера гражданско-правового регулирования свободно определять наиболее оптимальные условия оплаты оказанных услуг, в том числе самостоятельно устанавливать порядок и сроки внесения платежей (уплата аванса, предварительные платежи, рассрочка платежа, предоставление кредита, почасовая оплата, исчисление размера вознаграждения в процентах от цены иска и т.д.), не могут, однако, обуславливать выплату вознаграждения принятием конкретного судебного решения: в системе действующего правового регулирования, в том числе положений гражданского законодательства, судебное решение не может выступать ни объектом чьих-либо гражданских прав (статья 128 ГК Российской Федерации), ни предметом какого-либо гражданско-правового договора (статья 432 ГК Российской Федерации).

Включение же в текст договора о возмездном оказании правовых услуг условия о выплате вознаграждения в зависимости от самого факта принятия положительного для истца решения суда расходится с основными началами гражданского законодательства, допускающими свободу сторон в определении любых условий договора, если они не противоречат законодательству (пункт 2 статьи 1 ГК Российской Федерации), поскольку в данном случае это означает введение иного, не предусмотренного законом, предмета договора. Кроме того, в этом случае не учитывается, что по смыслу пункта 1 статьи 423 ГК Российской Федерации плата по договору за оказание правовых услуг, как и по всякому возмездному договору, производится за исполнение своих обязанностей.

3.4. Таким образом, положения пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 ГК Российской Федерации, как не предполагающие в системе действующего правового регулирования отношений по возмездному оказанию правовых услуг удовлетворение требований исполнителя о выплате вознаграждения по договору возмездного оказания услуг, если данное требование обосновывается условием, ставящим размер оплаты услуг в зависимость от решения суда, которое будет принято в будущем, не могут рассматриваться как противоречащие Конституции Российской Федерации. Этим не исключается право федерального законодателя с учетом конкретных условий развития правовой системы и исходя из конституционных принципов правосудия предусмотреть возможность иного правового регулирования, в частности в рамках специального законодательства о порядке и условиях реализации права на квалифицированную юридическую помощь.

Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации",

п о с т а н о в и л:

1. Признать положения пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку в системе действующего правового регулирования отношений по возмездному оказанию правовых услуг ими не предполагается удовлетворение требований исполнителя о выплате вознаграждения по договору возмездного оказания услуг, если данное требование обосновывается условием, ставящим размер оплаты услуг в зависимость от решения суда, которое будет принято в будущем.
2. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.
3. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Российской газете" и "Собрании законодательства Российской Федерации". Постановление должно быть опубликовано также в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

Конституционный Суд
Российской Федерации
N 1-П

М Н Е И Е

судьи Конституционного Суда Российской Федерации
Н.С.БОНДАРЯ

Проголосовав за сформулированный Конституционным Судом Российской Федерации в резолютивной части Постановления от 23 января 2007 года N 1-П итоговый вывод о том, что оспариваемые нормы Гражданского кодекса Российской Федерации не противоречат Конституции Российской Федерации, считаю необходимым изложить свое мнение по поводу отдельных положений мотивировочной части данного Постановления, связанных, в частности, с пониманием: а) возможных последствий его принятия для судьбы института условного вознаграждения ("гонорара успеха") в нашей правовой системе и, соответственно, для дальнейшего законодательного регулирования отношений по оказанию правовых услуг, допустимости (или недопустимости) данного института, а также б) пределов дискреционных полномочий законодателя при возможном специальном урегулировании порядка и условий оказания правовых услуг, в том числе в части реализации института условного вознаграждения.

Неоднозначность возможных ответов на эти вопросы обусловливается тем обстоятельством, что из мотивировочной части Постановления не усматривается, по крайней мере с достаточной степенью определенности, свидетельствует ли сделанный Конституционным Судом итоговый вывод, содержащийся в резолютивной части, об абсолютном запрете на использование в условиях действующей Конституции Российской Федерации института "гонорара успеха" либо все же допускается, по крайней мере при определенных условиях, введение данного института в рамках дискреционных полномочий федерального законодателя. Данная проблематичность, "неочевидность" ответа вряд ли может рассматриваться как упущение, пробел или неопределенность в системе аргументации и выводах Конституционного Суда. Главная причина в ином: вполне запрограммированная в этой части недосказанность во многом явилась результатом компромисса, достигнутого при выработке итогового решения между сторонниками абсолютного запрета "гонорара успеха", с одной стороны, и теми, кто исходил из того, что условное вознаграждение не может гарантироваться судебной защитой, в частности в силу отсутствия в настоящее время специального законодательства о порядке, условиях, правовых гарантиях надлежащей реализации гражданином права на квалифицированную юридическую помощь, - с

другой. Позицию второго, более мягкого (компромиссного) подхода занимал и я, что предполагает необходимость дополнительных пояснений по поводу возможности реализации такого подхода на основе принятого Постановления.

1. Прежде всего - о толковании тех положений Постановления, которые могут быть расценены как ориентированные на конституционно значимую часть аргументации, относящуюся к запрету, недопустимости "гонорара успеха". Действительно, такого рода положения формально можно "извлечь" из текста Постановления.

Так, в абзаце четвертом пункта 3.3 мотивировочной части Конституционный Суд указал, что в силу конституционных принципов и норм предполагается, что стороны в договоре об оказании правовых услуг, будучи вправе свободно определять наиболее оптимальные условия оплаты оказанных услуг, не могут, однако, обуславливать выплату вознаграждения принятием конкретного судебного решения. Данному тезису предпосылается позиция более общего характера, согласно которой недопустимо распространение договорных отношений и лежащих в их основе принципов на те области социальной жизнедеятельности, которые связаны с реализацией государственной власти, включая судебную власть, базирующуюся на началах независимости и самостоятельности (абзац четвертый пункта 2.2 мотивировочной части). О конституционных требованиях независимости и самостоятельности судебной власти в связи с проблемой условного вознаграждения говорится также, например, в последнем абзаце пункта 2.1, последнем абзаце пункта 2.2 и первом абзаце пункта 2.3. Все эти положения могут быть истолкованы как принципиальное (вытекающее из фундаментальных конституционных установлений) отрицание института "гонорара успеха" в системе конституционного регулирования в Российской Федерации.

Это, однако, не так, подтверждением чего являются другие положения Постановления, в системном единстве с которыми следует выводить правовую позицию Конституционного Суда по данному вопросу. Так, в последнем абзаце мотивировочной части Постановления Конституционный Суд прямо указал на наличие у федерального законодателя права предусмотреть "возможность иного правового регулирования (выделено мною. - Н.Б.), в частности в рамках специального законодательства о порядке и условиях реализации права на квалифицированную юридическую помощь", сделав одновременно две оговорки в отношении соответствующих законодательных полномочий, а именно: названное право, согласно Постановлению, может быть реализовано, во-первых, с учетом конкретных условий развития правовой и судебной системы Российской Федерации и, во-вторых, исходя из конституционных принципов правосудия. Иными словами, данная правовая позиция, не исключая использование института "гонорара успеха", связывает возможность его введения с возникновением неких предпосылок (условий), характеризующих качественно новый этап в развитии правовой и судебной системы страны.

В связи с этим возникает вопрос: вправе ли федеральный законодатель реализовать указанное право уже сейчас, в том числе непосредственно после вступления Постановления в силу, или же это потенциальное право, право на "вырост" нашей правовой системы, которое имеет характер некоего "отложенного" права, рассчитанного на качественно иной уровень зрелости правовой и судебной систем, когда, в частности, институт условного вознаграждения, освобожденный от коррупционного потенциала, не будет рассматриваться как несовместимый с конституционными принципами правосудия?

2. Предваряя анализ поставленных вопросов, связанных с выяснением реального содержания и значения сформулированных в Постановлении выводов для института "гонорара успеха", необходимо заметить следующее. Выявление подлинного смысла как рассматриваемого, так и любого иного Постановления Конституционного Суда Российской Федерации невозможно без учета того обстоятельства, что решение Конституционного Суда - это единый, целостный акт конституционного правосудия, внутренняя структура и содержание которого подчинены логике конституционно-правовых доводов и аргументов, значимых для оценки оспариваемых в рамках

конкретного дела правовых норм; в своей взаимосвязи они определяют содержание итогового вывода, составляют суть решения по делу.

Соответственно, было бы ошибочным интерпретировать выраженную в Постановлении правовую позицию в качестве простой совокупности обособленных положений, равно как и возводить на уровень самостоятельных правовых позиций Конституционного Суда каждое отдельное положение Постановления. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации - это некая основополагающая или, по крайней мере, одна из важных правовых идей, сформулированных им по итогам рассматриваемого дела, которая может быть выражена в концентрированном виде в качестве отдельного положения или (чаще всего) представлять собой сквозную идею, характеризующуюся единой предметно-целевой направленностью и едиными доктринально-конституционными началами, находящимися, как правило, в логическом соподчинении с резолютивной частью итогового решения.

Полагаю, что правовая позиция Конституционного Суда по итогам данного дела не может быть истолкована как абсолютный запрет "гонорара успеха" и, соответственно, как недопустимость законодательного введения этого института на неопределенный срок (по крайней мере, до достижения правовой и судебной системами некоего качественно нового состояния развития). Иное расходилось бы со смыслом и содержанием Постановления, не соответствовало бы заложенной в нем аргументации и характеру взаимосвязей между теми отправными конституционными положениями и принципами, в соответствии с которыми сформулирован его итоговый вывод.

2.1. Прежде всего, необходимо обратить внимание на использованную Конституционным Судом и выражающую итоговую оценку им оспариваемых законоположений с позиции соотношения с действующими конституционными принципами и нормами лингвистическую формулу пункта 1 резолютивной части Постановления, согласно которому положения пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 ГК Российской Федерации не противоречат Конституции Российской Федерации. Данный вывод, очевидно, не является тождественным констатации соответствия проверяемых норм Основному Закону.

Действительно, если соответствие законоположения Конституции означает не только его согласованность с ней, но и, по существу, вхождение в тот нормативный массив, который предполагается, подразумевается действующими конституционными установлениями, то под непротиворечием Конституции в рассматриваемом контексте понимается, что Конституция, не отрицая оспариваемого конкретного нормативно-правового решения, вместе с тем не исключает и иные варианты правового регулирования в соответствующей сфере общественных отношений. Следовательно, сам по себе (по своему буквальному смыслу) сделанный Конституционным Судом итоговый вывод не препятствует использованию в правовой системе России иных моделей правового регулирования оплаты юридической помощи, которые прямо не предполагаются, но и не исключаются Конституцией Российской Федерации.

В этом плане не лишним будет отметить, что зарубежный опыт нормативной регламентации отношений по оплате правовой помощи в форме условного вознаграждения (в зависимости от решения суда или иного государственного органа) также неоднороден и свидетельствует о том, что данный вопрос во многом находится в сфере дискреции национального законодателя. Имеются по крайней мере три типа правового регулирования в данной сфере, которые предполагают: а) принципиальное запрещение "гонорара успеха" (например, Бельгия, Литва), б) общее разрешение "гонорара успеха", характерное прежде всего для англосаксонской системы права (Англия, США, Канада, Австралия), в) точечное разрешение "гонорара успеха" в определенных случаях (в большей степени распространено в Европе, например в Германии, Австрии, Испании).

При этом - попутно заметим - выбор конкретной модели не только связан с содержанием действующего в данном государстве конституционного регулирования, но и в значительной мере определяется принципами правовой, в том числе судебно-правовой, политики, а потому, очевидно,

не может быть осуществлен как таковой органом конституционного правосудия, решающим исключительно вопросы права; в своей основе это функция национального законодателя, призванного находить не только не противоречащие Конституции, но и политически, социально-экономически, нравственно-этически целесообразные правовые решения.

2.2. Именно поэтому в Постановлении содержится положение о возможности "иного правового регулирования" оплаты юридической помощи. Сделанная же Конституционным Судом оговорка о необходимости учета федеральным законодателем при принятии соответствующего решения конкретных условий развития правовой и судебной систем требует самостоятельной оценки. Названная оговорка, как представляется, в конечном счете связана с тем, что в основу аргументации принятого решения Конституционным Судом был положен тезис о необходимости обеспечения в процессе законодательного регулирования общественных отношений по оказанию юридической помощи "надлежащего баланса между такими конституционно защищаемыми ценностями, как гарантирование квалифицированной и доступной (в том числе в ряде случаев - бесплатной) юридической помощи, самостоятельность и независимость судебной власти и свобода договорного определения прав и обязанностей в рамках гражданско-правовых отношений по оказанию юридической помощи" (абзац первый пункта 2.3 мотивировочной части).

Иными словами, смысловым ядром Постановления выступает идея баланса конституционных ценностей, которая как конституционный принцип и как методологический прием разрешения конституционно-правового спора достаточно часто используется в практике конституционного правосудия. Она, как известно, предполагает, в частности, необходимость взвешивания вступивших в противоречие (конфликт) в рамках конституционно-правового спора конституционных ценностей и определение сообразно их конституционному весу соотношения, которым и обуславливается содержание правового регулирования конкретной сферы общественных отношений. При этом каждая из конституционных ценностей, между которыми возникла коллизия, должна быть сохранена в рамках существующего конституционно-правового противоречия, которое не обязательно должно преодолеваться путем устранения данного противоречия.

Именно из этого методологического посыла исходил Конституционный Суд, вырабатывая решение по данному делу. Обращая внимание на необходимость уравнивания ценностей - гарантирования квалифицированной юридической помощи, самостоятельности и независимости судебной власти, свободы договора в рамках регулирования оплаты правовой помощи, Конституционный Суд во всяком случае не предполагал, что такое равновесие может быть достигнуто путем непризнания (нормативного необеспечения) хотя бы одной из них. Об этом свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что, указывая на необходимость соблюдения принципов организации и функционирования судебной власти как власти публичной, ее независимости и самостоятельности, Конституционный Суд одновременно обратил внимание на недопустимость несоразмерного ограничения свободы договора (абзац третий пункта 2.2 мотивировочной части).

При этом сбалансирование названных конституционных ценностей, как это вытекает из Постановления, относится к прерогативам федерального законодателя, который, действуя на началах народного представительства, взаимного согласования права и целесообразности, должен предусмотреть такое правовое регулирование оплаты юридической помощи, которое в рамках конкретно-исторических и социально-правовых условий развития государства и общества не противопоставляло бы эти ценности и не ставило под сомнение значимость хотя бы одной из них. Необходимость же учета конкретных условий при решении данного вопроса предопределяется тем, что указанные в Постановлении конституционные ценности выступают не только в качестве определенных конституционно-правовых императивов нормативного регулирования, но и являются своеобразными концентрированными характеристиками юридической природы правоотношений, складывающихся в порядке реализации статьи 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации (ей,

к сожалению, попутно будет отмечено, уделено недостаточное внимание в системе аргументации мотивировочной части Постановления) по поводу оказания юридической помощи, которые сочетают в себе частноправовое и публично-правовое начала (абзац первый пункта 2.1 мотивировочной части). Это же, в свою очередь, означает, по крайней мере, следующее.

Во-первых, общественные отношения, связанные с оказанием юридической помощи, как составная часть общественной практики, весьма подвижны и динамичны, по своему содержанию зависимы от ряда социокультурных и социоправовых факторов, как то: уровень правовой культуры граждан и их правовой образованности, система и качество профессиональной подготовки юридических кадров, механизм оказания квалифицированной юридической помощи, круг лиц, могущих оказывать правовую поддержку, состояние судебной системы, включая реальную независимость суда, доступность правосудия и т. д.

Во-вторых, правовое регулирование соответствующих отношений должно быть релевантным их природе, учитывать и надлежащим образом оформлять ее частноправовой и публично-правовой компоненты, не противопоставлять их. В этом плане важное значение может иметь учет особенностей как сферы оказания правовых услуг, так и субъектного состава, в частности услугополучателей. Так, при всей универсальности принципа равенства субъектов гражданских правоотношений возможно учитывать статусную, в том числе финансово-правовую, специфику публичных субъектов - получателей правовых услуг в лице государственных и муниципальных организаций - бюджетополучателей, с одной стороны (ими, кстати, являлись услугополучатели по рассматриваемому делу - Управление делами Президента Российской Федерации и администрация муниципального образования), а также физических и юридических лиц как субъектов имущественных споров, с другой.

В-третьих (и это, пожалуй, наиболее важно с точки зрения предмета рассмотрения), поскольку состав общественных отношений по поводу оказания правовой помощи, а также формы ее предоставления чрезвычайно многообразны, соотношение в их юридической природе названных конституционных ценностей не универсально (не единообразно), что предполагает возможность и допустимость использования дифференцированного подхода к регламентации оплаты правовой помощи применительно, например, к ее виду, характеру спорных правоотношений, с которыми связано ее оказание (включая наличие объективной потребности в специальных познаниях в конкретной сфере для осуществления эффективной юридической помощи), а также их субъектному составу (участие субъектов публичного права), целям, с которыми увязывается форма оплаты правовой помощи и размер гонорара.

Исходя из этого, а также учитывая возможность различной интерпретации института условного вознаграждения как "гонорара успеха", где под успехом может пониматься и вынесение положительного для заинтересованного лица решения суда или иного государственного органа, и урегулирование спора в процессе рассмотрения дела до принятия по нему юрисдикционного решения, и разрешение спора на досудебных (доюрисдикционных) стадиях, можно заключить, что нет никаких юридических, в том числе конституционных, оснований (о чем свидетельствует зарубежный опыт) для исключения оплаты правовой помощи по принципу "гонорара успеха", по крайней мере в отдельных случаях и при наличии законодательных ограничений и гарантий на уровне специального нормативно-правового регулирования.

2.3. Определяя вытекающие из Постановления возможности федерального законодателя по установлению института условного вознаграждения, следует также иметь в виду, что предметом дела являлись гражданско-правовые нормы общего характера, относящиеся к договору оказания возмездных услуг, которые закрепляют его основные содержательные характеристики и охватывают все многообразие практики заключения таких договоров.

Конкретизация этих норм в отношении некоторых видов услуг осуществляется в специальных законах и подзаконных актах, применительно же к правовым услугам специальное правовое

регулирование в настоящее время не предусмотрено. Поэтому федеральный законодатель вправе на основе итогового вывода Постановления, который сформулирован применительно к действующей системе правового регулирования, руководствуясь конституционными принципами и нормами, а также с учетом общеправового принципа соотношения общих и специальных норм установить иной, специальный - по отношению к закрепленному пунктом 1 статьи 779 и пунктом 1 статьи 781 ГК Российской Федерации общему - режим правового регулирования оказания правовых услуг, включая определение условий и пределов применения "гонорара успеха" как условного вознаграждения. Этот вывод подтверждается и тем, что в рамках данного дела Конституционный Суд проверял конституционность института "гонорара успеха" сквозь призму конкретного гражданско-правового договора - о возмездном оказании услуг, а потому сформулированная в Постановлении правовая позиция вряд ли может быть универсализирована путем распространения на все возможные формы гражданско-правовых договоров по оказанию юридической помощи и на весь объем соответствующих общественных отношений.

Важным для федерального законодателя ориентиром - наряду с другими вытекающими из Постановления, включая упомянутые ранее, - при поиске баланса конституционных ценностей в процессе осуществления правового регулирования оплаты юридической помощи является принцип справедливости (абзац первый пункта 2.3 мотивировочной части). Конкретное нормативное выражение данного принципа в системе правового (а также, что очень важно, корпоративного) регулирования порядка оказания юридической помощи может быть различным. При его установлении применительно к данной сфере отношений, думается, следует учесть и зарубежный опыт. Назовем лишь некоторые обстоятельства (факторы), с которыми зарубежное законодательство связывает размер оплаты правовых услуг: сложность дела, квалификация и опыт адвоката, финансовое положение клиента и другие значительные обстоятельства (часть 3 статьи 44 Закона Литовской Республики "Об адвокатуре"), объем оказанных услуг, срочность дела, степень творческой и интеллектуальной деятельности по оказанию услуг, затраченное адвокатом время и принятая им на себя ответственность, прочие профессиональные факторы (часть 3 статьи 100 Закона Португальской Республики "Статус ордена адвокатов"); схожие положения содержатся в Швейцарском кодексе деонтологии (статья 18) и т. д. Имеется, кстати, и судебная практика использования перечисленных и иных критериев справедливого вознаграждения труда адвоката, в том числе при решении вопроса о судебном порядке удовлетворения условного вознаграждения; последнее слово в оценке того, оказаны ли юридические услуги надлежащим образом, каково их качество и т. п., остается за судом.

3. Таким образом, вынесенное Конституционным Судом Российской Федерации решение может рассматриваться как предполагающее для федерального законодателя возможность и в конечном счете правовую целесообразность осуществить специальное правовое урегулирование порядка оказания юридических услуг с использованием - при определенных условиях и для установленных на законодательном уровне случаев - института условного вознаграждения ("гонорара успеха") на основе соблюдения конституционных принципов и норм, обеспечивающих баланс публичных и частных конституционных ценностей и определяющих критерии справедливой оплаты юридической помощи, безусловной судебной защиты прав и законных интересов обеих сторон по договору возмездного оказания правовых услуг.

М Н Е Н И Е

судьи Конституционного Суда Российской Федерации

Г.А.ГАДЖИЕВА

Будучи согласным с итоговыми выводами Конституционного Суда Российской Федерации, содержащимися в резолютивной части Постановления по данному делу, заявляю о своем мнении по поводу его мотивировочной части.

1. В пункте 1 мотивировочной части Постановления указывается, что предметом рассмотрения по данному делу являются положения пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 ГК Российской Федерации, предусматривающие, что по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить оказанные ему услуги в сроки и в порядке, которые указаны в договоре возмездного оказания услуг, как не предполагающие, - по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, - удовлетворения требований исполнителя о выплате вознаграждения, если его размер поставлен в зависимость от судебного решения, которое будет принято в будущем.

Таким образом, предмет рассмотрения определен как оспариваемые нормы Гражданского кодекса Российской Федерации в части, касающейся условия оплаты труда лица, оказывающего правовые услуги, а именно в зависимости от достигнутого успеха в виде положительного для истца исхода дела в виде присужденной в его пользу суммы, только при заключении договора возмездного оказания правовых услуг.

На практике услугодатель оказывает услугополучателю (заказчику) целый комплекс юридических услуг. Это предоставление устных консультаций по вопросам права, а также составление письменных заключений по поставленным заказчиком правовым вопросам. Обычно, не ограничиваясь составлением таких заключений, услугодатель на их основе подготавливает проекты исковых заявлений в суд и необходимый для обращения в суд пакет документов. Поскольку стороны в силу статьи 421 ГК Российской Федерации вправе определять условия договора по своему усмотрению, обязанности исполнителя могут включать не только совершение определенных действий в виде устных услуг, но и предоставление заказчику результата действий исполнителя в виде письменных консультаций и разъяснений, проектов договоров, исковых заявлений и других документов правового характера (пункт 1 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 сентября 1999 года N 48 "О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг").

В тех же случаях, когда исполнитель по договору с заказчиком должен совершить сделки или иные юридические действия, то договор возмездного оказания юридических услуг утрачивает свой "рафинированный" характер, превращаясь в смешанный договор (пункт 3 статьи 421 ГК Российской Федерации), т. е. в договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (в данном случае - элементы договора поручения либо договора агентирования, для которых характерно наличие посредника - представителя (поверенного), действующего в чужих интересах).

В делах заявителей, рассмотренных арбитражными судами, исследовались не "рафинированные" договоры возмездного оказания юридических услуг, а именно смешанные договоры.

Поэтому предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу является условие о так называемом гонораре успеха не только в договорах возмездного оказания юридических услуг, но и в иных гражданско-правовых договорах. Такой, более широкий, подход к предмету судебного разбирательства предопределяется тем, что при оценке конституционности условий гражданско-правовых договоров о "гонораре успеха", или об условном гонораре, когда оплата труда услугодателя ставится в зависимость от присуждения в пользу истца суммы (обычно - в виде процента), Конституционный Суд Российской Федерации, исходя из предназначения конституционного судопроизводства, осуществляет такую оценку прежде всего с позиций норм и принципов публичного права, а не только руководствуясь внутренней логикой частного права. Этот вывод находит подтверждение в Постановлении, в пункте 2.2 которого указывается, что свобода договора имеет объективные пределы, определяемые основами конституционного строя и публичного правопорядка. В частности, речь идет о недопустимости распространения договорных

отношений и лежащих в их основе принципов на те области социальной жизнедеятельности, которые связаны с реализацией государственной власти. Конституционный Суд Российской Федерации в данном случае, используя этот публично-правовой аргумент, имеет в виду все гражданско-правовые договоры, а не только договор возмездного оказания правовых услуг. Именно в этом универсальном юридическом выводе проявляется правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу. Образующие ее юридические выводы оказываются шире, чем те, которые делаются при оценке конституционности юридического содержания норм Гражданского кодекса Российской Федерации, являющихся предметом рассмотрения. Учитывая предназначение конституционного судопроизводства, более масштабная оценка предмета рассмотрения по настоящему делу, а также то, что аргументы против условий о "гонораре успеха" взяты из области конституционного права, итоговые выводы в резолютивной части приобретают более масштабный характер, поскольку ими обосновывается невозможность включения условий о "гонораре успеха" не только в договор возмездного оказания правовых услуг, но и в другие гражданско-правовые договоры.

2. В заключение считаю целесообразным обратить внимание на то, что обсуждаемая проблема не имеет идеального разрешения, поскольку при любом из возможных способов ее решения возникают серьезные социальные издержки.

Лишение возможности включить в договор условия об оплате правовых услуг в зависимости от того, будет ли решение суда положительным для истца, имеет следующие издержки:

- 1) исчезает один из критериев, позволяющих оценить качество оказанной правовой услуги;
- 2) услугодатель лишается возможности получить дополнительное вознаграждение: появляются элементы уравниательства в оплате услуг;
- 3) возникает стимул увести "в тень" договоренности.

Допущение же возможности включения в договоры условий о "гонораре успеха" влечет такие социальные издержки, как провоцирование услугодателя добиваться положительного для услугополучателя решения суда любой ценой.

Издержки, возникающие при недопущении возможности включения в договоры условий о "гонораре успеха", могут быть снижены, причем при помощи частноправовых средств. Так, можно включить в договор условие, в соответствии с которым гонорар услугодателя будет определяться в виде процента от цены иска, а не от присужденной судом суммы, либо указанные издержки можно снизить путем дополнительного соглашения к договору об оплате труда услугодателя, которое может быть заключено после вступления решения суда в законную силу.

Что же касается социальных издержек, порождаемых допущением возможности включения в договоры условий о "гонораре успеха", с последующей их судебной защитой, то они не могут быть существенно снижены в настоящее время путем использования частноправовых средств. Для этого требуется использование законодателем разнообразных публично-правовых средств. Сейчас их практически нет в действующем законодательстве.

При разумном их использовании законодателем уже в настоящее время при условии, если законодатель найдет способы преодоления конфликта интересов между услугодателем и клиентом, условные вознаграждения по некоторым юридическим делам вполне допустимы.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

судьи Конституционного Суда Российской Федерации

А.Л.КОНОНОВА

Представляется, что данное Постановление пошло по неправильному пути уже с самого начала, поскольку предмет дела был определен произвольно. Во-первых, из предмета исчезло ограничение, касающееся рассмотрения лишь той сферы юридических услуг, которая связана с защитой имущественных (частноправовых) интересов заказчика, что позволило привнести и

гиперболизировать публичные элементы адвокатской помощи. Во-вторых, в жалобах заявителей речь шла не о всяком вознаграждении, а только о том его виде, который определяется в процентах от выигранной суммы иска - так называемом условном гонораре, или гонораре успеха, что весьма существенно для правовой оценки. Наконец, в-третьих, формулировка о зависимости размера вознаграждения от будущего судебного решения изначально предвосхищает ошибочный вывод об отсутствии связи между качеством оказанных правовых услуг и достижением определенного успеха в судебном процессе этой деятельности.

В мотивировке Постановления Конституционный Суд Российской Федерации сталкивает между собой три, как он их называет, конституционные ценности: обязанность государства гарантировать юридическую помощь, самостоятельность и независимость судебной власти и свободу договора. Используя свой излюбленный прием "нахождения баланса" частных и публичных интересов, который вопреки критерию статьи 2 Конституции Российской Федерации всегда почему-то приводит к предпочтению именно публично-государственных мотивов, Конституционный Суд Российской Федерации и в данном случае оправдывает ими правомерность запрета гонорара успеха, сформировавшегося в судебной практике под влиянием толкования Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Однако эти доводы весьма спорны, противоречивы и могут быть подвержены критике.

Так, утверждая, что оказание юридических услуг имеет публично-правовое значение, Конституционный Суд Российской Федерации опирается при этом на свою позицию, изложенную в Постановлении от 23 декабря 1999 года N 18-П, в котором говорилось о публично-правовых задачах адвокатской деятельности по обеспечению защиты прав и свобод, об их обязанности в определенных случаях участвовать в уголовном процессе по назначению или осуществлять льготное или бесплатное юридическое обслуживание социально незащищенных граждан. Между тем все эти посылки не имеют универсального характера.

Характеристика публично-правовой стороны деятельности адвокатов в указанном Постановлении понадобилась Конституционному Суду Российской Федерации исключительно в целях обоснования несоразмерности обязательных страховых платежей и необходимости учета затрат на выполнение обязанностей, которые государство возложило на адвокатов, гарантируя право на получение квалифицированной юридической помощи в соответствии со статьей 48 Конституции Российской Федерации.

Ни в одном из своих решений до этого Конституционный Суд Российской Федерации не утверждал, что вся адвокатская деятельность и тем более всякое оказание юридических услуг имеют публично-правовое значение. Очевидно, это не так, когда юридические услуги оказываются в сфере частного права, при защите имущественных и иных частных интересов. Еще меньше оснований видеть публичный элемент не в статусе адвоката, а в характере соглашения, заключенного между адвокатом и доверителем. Статья 25 Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" прямо определяет это соглашение как гражданско-правовой договор.

Наконец, Конституционный Суд Российской Федерации как-то упустил из виду, что правовую помощь и юридические услуги, в том числе путем судебного представительства, оказывают не только адвокат, но и многие субъекты частного права - юридические фирмы и организации, специально созданные для защиты бизнеса и оказания правовых услуг, частнопрактикующие юристы, не имеющие адвокатского статуса, иные лица, к которым не предъявляется особых квалификационных требований, но которые осуществляют важную функцию защиты прав и интересов доверителя по его свободному выбору.

Между тем позиция Конституционного Суда Российской Федерации по поводу соотношения частного и публичного, обязательных требований и свободы договора при судебной защите имущественных прав была достаточно ясно выражена в Постановлении от 16 июля 2004 года N 15-П по делу о

проверке конституционности части 5 статьи 59 АПК Российской Федерации, в котором Конституционный Суд Российской Федерации дисквалифицировал ограничения по представительству в арбитражном процессе для организаций и лиц, не относящихся к числу адвокатов. Мотивы этого решения весьма важны и для настоящего дела.

Особые, в том числе квалификационные, требования, предъявляемые к адвокатским образованиям, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, обусловлены публичным интересом, который имеет место в уголовном судопроизводстве в отношении представителей обвиняемого. Однако в гражданских правоотношениях, основанных на равенстве участников, свободе договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, свободном установлении своих прав и обязанностей на основе договора, действуют диспозитивные начала. Принцип диспозитивности распространяется и на процессуальные отношения, связанные с рассмотрением в судах в порядке гражданского, арбитражного и даже административного судопроизводства споров, вытекающих из осуществления организациями и гражданами предпринимательской и иной экономической деятельности.

Диспозитивность применительно к производству в арбитражном суде означает, что арбитражные процессуальные отношения возникают, изменяются и прекращаются главным образом по инициативе непосредственных участников спорных материальных правоотношений, которые имеют возможность с помощью суда распоряжаться процессуальными правами и спорным материальным правом. Данное правило распространяется и на процессуальные отношения, возникающие в связи выбором лицами, участвующими в деле, представителей для отстаивания своих интересов. В основе этих процессуальных отношений лежит гражданско-правовой договор между доверителем и выбранным им представителем.

Ограничение на выбор представителя в арбитражном суде не может быть оправдано вытекающим из статьи 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации правом законодателя установить критерии квалифицированной юридической помощи. В действующей системе права государство, по существу, не предъявляет особых требований к качеству и уровню юридической помощи представителя в арбитражном суде, что предполагает свободный выбор заинтересованными в защите своих имущественных прав лицами своего представителя и право обратиться помимо адвоката к другим лицам, способным, как они полагают, оказать квалифицированную юридическую помощь. Иное фактически привело бы к понуждению их использовать только один способ защиты, что не согласуется со статьей 45 (часть 2) Конституции Российской Федерации. Такое ограничение вопреки статье 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации значительно сузило бы возможность выбирать способ защиты своих интересов, а также право на доступ к правосудию (статья 46, часть 1, Конституции Российской Федерации).

В этом же Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что гарантируемые Конституцией Российской Федерации поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, признание и равная защита различных форм собственности, право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (статьи 8, 34; статья 37, часть 1) создают правовую основу для осуществления юридическими лицами и физическими лицами - индивидуальными предпринимателями деятельности по оказанию юридических услуг.

Таким образом, ранее высказанные позиции Конституционного Суда Российской Федерации однозначно свидетельствуют о том, что юридические услуги в указанной сфере правовых отношений полностью охватываются частным правом и не могут быть ограничены известными причинами публичного характера. Более того, свобода договора в этой сфере как раз в наибольшей степени соответствует конституционным целям защиты прав и интересов граждан и доступности правосудия.

Свобода договора, утверждает Конституционный Суд Российской Федерации, имеет и объективные пределы, которые определяются основами конституционного строя и публичного правопорядка. Далее он поясняет, что он имеет в виду в данном деле. Речь идет о недопустимости распространения договорных отношений и лежащих в их основе принципов на те области социальной жизнедеятельности, которые связаны с реализацией государственной власти. Категоричность подобного утверждения вызывает большие сомнения. А почему, собственно, недопустимо? Договор, соглашение, конвенции различного рода - это нормальный и вполне законный способ жизнедеятельности, в том числе взаимоотношений власти, общества и человека. Согласие стороны закреплено и во многих процедурных нормах и является основой многих процессуальных решений. Кроме того, подобное утверждение трудно перевести в контекст настоящего дела. Не полагает же Конституционный Суд Российской Федерации всерьез, что судебный орган является непосредственным участником или стороной в договоре возмездного оказания юридических услуг, а его решение и является предметом этого договора, что, очевидно, лежало бы за пределами правовой реальности.

Мнение же о том, что условие договора о выплате вознаграждения в определенном проценте или доле от суммы выигранного спора вмешивается в прерогативы суда и каким-либо образом посягает на самостоятельность и независимость судебной власти, является глубоким заблуждением, основанным на ошибочном представлении, что судебный акт никак не связан с результатом состязания сторон и не зависит от их процессуальных действий и усилий. Аналогичным представляется и суждение о договоре на выигрыш дела как о пари, поскольку оно предполагает, что решение суда достаточно произвольно и предсказуемо не более, чем шарик в рулетке (но тогда это проблема уже судебной, если не правовой системы).

Представление, что то или иное разрешение имущественного спора судом или иным юрисдикционным органом никак не связано с позицией, усилиями и участием в процессе юридического представителя интересов стороны по договору юридических услуг, противоречило бы назначению принципа состязательного процесса (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации) и обесмысливало бы саму потребность в специальной юридической помощи. Именно стороны и их представители в силу разграничения процессуальных функций с судом являются активной движущей силой состязательного процесса. Сторона проявляет инициативу рассмотрения дела в суде, несет бремя формирования доказательственного материала, представляет свое суждение о фактах, обосновывает требования и возражения, высказывает мнение относительно оценки фактов и правовой квалификации спора, активно отстаивает свои интересы.

Вполне естественно, что всякая правовая услуга и всякая юридическая помощь представляют интерес для заказчика не сами по себе, - они преследуют определенную цель и удовлетворяют потребность в данном случае в защите, восстановлении и удовлетворении его имущественных прав. Вполне естественно также, что эти последствия желаются заказчиком и воспринимаются им именно как результат оказания правовой помощи. В противном случае не имелось бы оснований для традиционно принятых в практике и хозяйственном обороте различий в оценке вознаграждения юриста в зависимости от его умения, профессиональных знаний, опыта, способностей, уровня квалификации и предпринимаемых усилий по оказанию правовой помощи (услуг).

Трудно спорить с тем, что всякий выигрыш достоин вознаграждения. Очевидно, что наличие или отсутствие желаемого судебного решения, удовлетворяющего права и интересы заказчика, является для него определенной и наиболее убедительной оценкой качества услуг исполнителя и при отсутствии других критериев - нормальным и законным условием размера соответствующего вознаграждения по обоюдному согласию сторон. Полученные или сохраненные в результате оказания юридических услуг имущество или иные блага и являются очевидной целью договора, ради достижения которой заказчик готов пожертвовать определенной частью этого имущества в качестве вознаграждения. Очевидно, что судебный процесс - не единственный способ достижения этой цели.

Достижение желаемого результата и зависимость от него размера оплаты правовых услуг возможны и в иных формах: при добровольном удовлетворении требований и интересов заказчика, мировом соглашении или ином внесудебном урегулировании спора с участием и при правовой помощи юриста. Однако и в том и в другом случае природа правовых услуг очевидно одна и та же. В качестве аналогии можно привести весьма распространенные в сфере экономической деятельности так называемые коллекторские услуги по возвращению долгов и кредитов или антиколлекторские услуги по улаживанию конфликтов по поводу неплатежей. Существуют юридические фирмы, специализирующиеся в этом бизнесе. Среди юридических услуг возможно и судебное представительство. Однако независимо от характера и способов осуществления такой деятельности оплата услуг, согласно выработанной практике, как правило, определяется в процентах от полученной или сохраненной суммы имущества заказчика, что вполне объяснимо и целесообразно.

Таким образом, нет никаких оснований полагать, что само по себе принятие судом определенного решения могло бы пониматься сторонами договора услуг как предмет или результат оказания услуг. Гораздо более убедительно, что судебное решение воспринимается как оценка качества услуг, успеха или неуспеха предпринятых стороной действий и как юридический факт, с которым стороны связывают по договору условие выплаты вознаграждения за оказанные юридические услуги. Это не только не противоречит, но вполне соответствует правовой природе отношений по оказанию юридических услуг в сфере хозяйственного оборота и разрешения имущественных споров при помощи квалифицированного юриста.

Непризнание договоров юридических услуг, в которых вознаграждение определяется в процентах от суммы выигранного иска, и отказ от судебной защиты при таких условиях в судебной практике были сформулированы в известном информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 сентября 1999 года N 48. По сути, такая позиция означает ограничение свободы договора. Однако любое ограничение свободы договора как основополагающего начала гражданского права требует, кроме конституционных критериев и формы такого ограничения (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации), особенно ясной и убедительной аргументации. Между тем ни оспариваемые положения статей 779 и 781 ГК Российской Федерации, ни какие-либо иные положения данного Кодекса сами по себе по их буквальному содержанию не устанавливают каких-либо ограничений возможности свободного выбора сторонами порядка расчетов, определения размера вознаграждения и условий его выплаты по договору возмездного оказания услуг, что признает и сам Конституционный Суд Российской Федерации.

Характерно, что, по свидетельству представителя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, основным мотивом при объяснении судебной практики запрета условных гонораров было судейское убеждение о неразумности и несоразмерности размера вознаграждения и неэквивалентности цены объему юридических услуг, как это представлялось суду в конкретных делах. Однако часть первая статьи 424 ГК Российской Федерации прямо определяет, что исполнение договора оплачивается по цене, установленной соглашением сторон, и очевидно, что суду не предоставлено право пересматривать размер вознаграждения по собственному усмотрению или по мотивам социальной справедливости.

Это не исключает, однако, того, что суд на основе принципов разумности и справедливости может оценить размер судебных издержек в части расходов на оплату услуг адвокатов и иных лиц, оказывающих юридическую помощь (представителей), учитывая то, что проигравшая сторона, которая несет бремя возмещения судебных расходов, не могла являться участником договора правовых услуг и никак не могла повлиять на размер вознаграждения представителя другой стороны, достигнутой в результате свободного соглашения без ее участия. Этот вопрос, однако, является предметом иного - процессуального - урегулирования и не имеет прямого отношения к рассматриваемой проблеме, доказательством чего является то, что он не поднимался в настоящем

процессе и не упомянут в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации. Наконец, последний аргумент, на который ссылается Конституционный Суд Российской Федерации, - это утверждение, что договор услуг так, как он определяется в пункте 1 статьи 779 ГК Российской Федерации, включает в предмет услуг только совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности исполнителем и, следовательно, не включает достижение результата этой деятельности (такого, например, как выигрыш дела). Конституционный Суд Российской Федерации называет это почему-то императивным требованием закона о предмете данного договора, хотя на самом деле никакого императива эта норма не содержит. Даже по формальной логике: не упоминает - не значит исключает.

Теоретически считается, что договор услуг отличен от договора подряда тем, что последний исполняется достижением определенного результата. Однако в правовой доктрине до сих пор существует сильное подозрение, что и в договоре услуг возможно соглашение о достижении определенного результата, хотя бы в виде некоторого нематериального эффекта. Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в упомянутом информационном письме признает и вполне материальные последствия исполнения договоров возмездного оказания юридических услуг - в виде, например, письменных консультаций и разъяснений, проектов договоров, заявлений, жалоб и других документов правового характера. А что более материально для заказчика, чем получение или неполучение с юридической помощью денежных сумм, имущества или иных материальных благ?

Глава 39 ГК Российской Федерации, регулирующая возмездное оказание услуг, носит достаточно общий типовой характер и лишь приблизительно очерчивает круг возможных видов услуг, который может быть весьма разнообразен. Юридические услуги, кстати, в этом перечне отсутствуют. В Федеральном законе "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" законодатель исключил первоначальное указание на виды гражданско-правовых договоров (получение, услуги), заключаемых с клиентом, и это, видимо, не случайно. Природа таких отношений и сложившаяся практика гораздо богаче правовых установлений. Дело в том, что в реальности юридические услуги могут представлять собой довольно разнообразный комплекс отношений, соединяющих признаки или элементы различных обязательств: работ, услуг, поручения, представительства и т. п. Юридическая квалификация их и судебная оценка должны исходить не из формы и названия, а из сути и содержания тех правоотношений, которые они создают. Гражданский кодекс Российской Федерации не только не предусматривает здесь каких-либо препятствий, но прямо устанавливает, что физические и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора (часть вторая статьи 1). Стороны могут заключать договор как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами, а также договор, в котором содержатся элементы различных договоров (смешанный договор) (часть вторая и третья статьи 421).

Вообще договор, называемый *quota litis*, т. е. исчисление вознаграждения адвоката в определенном проценте от имущества, о котором идет спор, давно известен и в мировой практике, и в российском дореволюционном праве. Считается, что он весьма выгоден малообеспеченным истцам, поскольку облегчает им доступ к правосудию и, кроме того, стимулирует юриста выиграть дело и получить наибольшую компенсацию для клиента.

Вот что писал по этому поводу известный правовед К.К.Арсеньев в "Заметках о русской адвокатуре" (1875 год): "Нам кажется, что такой порядок вещей наиболее соответствует жизни. Тяжущийся, проигравший дело, весьма часто не в состоянии оплатить своему поверенному даже самой небольшой суммы, или по крайней мере такая уплата была бы для него затруднительна и неприятна. Тяжущийся, выигравший дело, охотно готов уделить сравнительно большую часть выигрыша тому, с

помощью которого он получил его...

Вознаграждение за труд определяется не только усилиями и временем, которых он стоил, но и результатами, к которым он привел, сообразно с ценностью тех интересов, охранению которых он содействовал. Размер его определяется свободным соглашением в соответствии с важностью дела для тяжущегося, приписывающего выигрыш дела, по крайней мере отчасти, таланту и усердию своего защитника...

Существование процентного вознаграждения представляется, таким образом, вполне совместным с интересами тяжущихся, как и с достоинством присяжных поверенных... Мы не видим причин, по которым заключение таких условий должно было бы считаться предосудительным".

И действительно, таких причин не видят как принятый российскими адвокатами Кодекс профессиональной этики, так и принятый в Страсбурге адвокатами и юридическими сообществами Европейского Союза Кодекс поведения для юристов.

Таким образом, достигнутое по обоюдному соглашению сторон условие договора возмездного оказания правовых услуг в делах об имущественных спорах, когда вознаграждение устанавливается в долях или процентах от удовлетворенной суммы иска, соответствует юридической природе подобного договора, не имеет законного ограничения и должно подлежать судебной защите.